

АЛЕКСАНДР КИКЛЕВИЧ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski

Olsztyn

Лексическая номинация и социальная структура

Семантика и прагматика как два важнейших функциональных аспекта языка находятся в отношении диалектического взаимодействия: с одной стороны, семантическая информация используется в коммуникативных процессах для реализации прагматических целей речевых субъектов, в первую очередь — говорящего/пишущего (см.: Kiklewicz 2011: 30 ссл.; 2012: 51 ссл.). Именно поэтому семантическая информация составляет неотъемлемую часть содержания речевых актов. С другой стороны, широко распространено и другое явление, которое можно условно квалифицировать как семантика на базе прагматики: прагматический фактор, т.е. характер социальной, культурной и коммуникативной среды, обуславливает формирование и функционирование (в частности, интерпретацию) лексических понятий, т.е. того содержания, которое кодируется с помощью языковых форм.

Идея социально-культурной обусловленности семантической системы языка лежит в основе целого ряда направлений, которые имели значительное влияние в языкознании прошедшего столетия — в связи с этим можно только упомянуть функциональную и генеративную лингвистику (в частности, работы Дж. МакКоли и Дж. Лакоффа), критическую лингвистику (работы Р. Фоулера, Б. Ходжа, Г. Кресса, Т.А. ван Дейка, Дж.Л. Мея и др.), этнолингвистику, психоллингвистику третьего поколения (особенно работы Р. Роммейтвейта), широко понимаемую коммуникативную лингвистику и социоллингвистику (В.Н. Волошинов, А.Ф. Лосев, Л. Витгенштейн, Д. Хаймс, Дж. Сёрль, Р. Дирвен, А. Авдеев, О. Лещак и др.).

Исследования в области функциональной семантики показали, что влияние социальной, культурной и коммуникативной среды на языковую/речевую деятельность проявляется в аспекте формы и в аспекте содержания языковых единиц. В первом случае речь идет о реализации стилистической функции знаков, т.е. об отражении в их форме коммуникативных условий их функционирования (см. Kiklewicz 2004: 251 ссл.). Так, А.Е. Супрун (1993) показал существование в языковой системе прагматических парадигм знаков, т.е. таких совокупностей языковых единиц, которые при тождестве своей номинативной семантики различаются стилистическими свойствами, например:

- (1) — *Иван*.
 — *Иван Петрович*.
 — *Иванов Иван Петрович*.
 — *Иван Иванов*.
 — *Ваня*.
 — *Ванюша*.
 — *Ванечка*. и др.

Можно различать четыре типа явлений в языковой семантике, которые отражают процессы взаимодействия языка и социально-культурной среды: 1) внутреннюю форму (слова, словосочетания, предложения); 2) вторичную номинацию; 3) коннотацию и 4) структуру семантических полей. Все они довольно хорошо описаны в лингвистической литературе (см. в частности, работы: Бельчиков 1988; Благова 1999; Гак 1977; Верещагин, Костоматов 1980; Мокиенко 2007; Плотников 1989: 124 ссл.; Тер-Минасова 2008: 148 ссл.; Чудинов 2007: 203 ссл. и др.).

Чаще лингвисты обращаются к проблемам социально-культурной обусловленности семантики в языке, хотя еще бо́льшая степень участия социального контекста наблюдается в речевой деятельности¹. Следует отметить, что проблемы речевой номинации (по сравнению с языковой номинацией) изучены значительно слабее. Исследователи, главным образом, концентрируют внимание на двух явлениях: 1) дейксисе и 2) референции. Однако существует не менее важная проблема выбора в конкретной речевой ситуации способа концептуализации рассматриваемого объекта (предмета, действия, состояния и т.д.) — с учетом имеющихся в языковой системе средств номинации. При этом речевой субъект принимает во внимание как минимум три фактора:

1. объективные свойства денотата;
2. имеющиеся в его распоряжении средства языковой номинации (если их недостаточно, возникают неологизмы);

¹ И.К. Архипов вообще считает, что семантика реально существует только в конкретных биокогнитивных процессах, а «семантика языка» является научной абстракцией (см. Архипов 2011: 459 ссл.).

3. субъективные установки с учетом цели и характера деятельности субъекта, а также коммуникативной ситуации, ее обстановки и сцены.

Таким образом, объективная действительность, язык и человеческая деятельность (интеллектуальная и практическая) — это три силы, которые в речевой коммуникации составляют диалектическое единство.

Социальный контекст обуславливает специфические принципы речевой номинации, которые будут кратко рассмотрены в этой части статьи:

1. принцип ближайшего (оптимального) отношения;
2. принцип эмпатии;
3. принцип дифференциации.

Принцип ближайшего отношения в первую очередь касается номинации лиц. В этом случае особенно важным является фон личных отношений между речевым субъектом и тем лицом, которое описывается в высказывании. Действие данного принципа удобно показать на примере анекдота, опубликованного в сборнике *Физики продолжают шутить*:

(2) *Дирак женился на сестре Вигнера. Вскоре к нему в гости заехал знакомый, который еще ничего не знал о происшедшем событии. В разгар их разговора в комнату вошла молодая женщина, которая называла Дирака по имени, разливала чай и вообще вела себя как хозяйка дома. Через некоторое время Дирак заметил смущение гостя и, хлопнув себя по лбу, воскликнул: «Извини, пожалуйста, я забыл тебя познакомить — это... сестра Вигнера!».*

Комический эффект в данной истории основан на том, что говорящий (Дирак) нарушает принцип ближайшего отношения: называя свою жену сестрой Вигнера, он тем самым избегает способа номинации, который был бы в данной ситуации наиболее естественным — речь идет об указании на непосредственное отношение молодой женщины к самому говорящему. В соответствии с рассматриваемым здесь принципом говорящий выбирает такую языковую номинацию лица (или вообще — материального предмета), которая отражает наиболее близкое его отношение к одному из участников коммуникативной ситуации. В каком-то смысле здесь можно говорить и о принципе релевантности, потому что отношение молодой женщины к Дираку ('жена') является более релевантным, коммуникативно значимым, чем ее отношение к Вигнеру ('сестра'). Формально это можно отразить следующим образом:

$R_{\text{ЖЕНА}} (\text{Дирак, молодая женщина}) > R_{\text{СЕСТРА}} (\text{Вигнер, молодая женщина}).$

Подобное нарушение принципа ближайшего отношения обыгрывается в следующем анекдоте:

- (3) *Маленький Ваня, запыхавшись, прибегает к матери:*
 — *Мама, мама! Там в лесу голые люди бегают!*
Мама успокаивает:
 — *Они, наверно, дикие.*
 — *Дикие? Да, может, та тетя и дикая, но наш папа — нет!*

Х. Беличова (Beličová 1984: 148) приводит примеры чешских словосочетаний, которые — при своей грамматической и семантической правильности — в разной степени соответствуют принципу ближайшего отношения, поэтому одни конструкции выглядят естественно, а другие в речевой практике не представлены:

- *moje matka* ‘моя мать’
- *žena mého otce* ‘жена моего отца’
- *dceru mé babičky* ‘дочь моей бабушки’.

Градация степень релевантности здесь очевидна:

- R_{МАТЬ} (лицо, говорящий) > R_{ЖЕНА} (лицо, лицо: МОЙ ОТЕЦ (лицо, говорящий))
- R_{МАТЬ} (лицо, говорящий) > R_{МАТЬ} (лицо, лицо: МАТЬ (лицо, говорящий)).

Часто данный принцип реализуется как принцип эгоцентризма: говорящий выбирает такой тип концептуализации (и языковой номинации) лица, который указывает на его отношение к самому себе (Kiklewicz 2012: 183 ссл.). Именно так (в значении ‘я и мое ближайшее окружение’) интерпретируется личное местоимение *мы* в тексте следующего анекдота:

- (4) *Брежнев говорит с трибуны: «В следующей пятилетке мы будем жить еще лучше!»
Голос из зала: «А мы?».*

Однако «ближайшая номинация» не всегда эгоцентрична — говорящий учитывает не только свою точку зрения, но и точки зрения коммуникативных партнеров, а также других, не участвующих в коммуникации лиц. Сравним с этой точки зрения три высказывания:

- (5) — *Звонила моя теща.*
— *Звонила твоя теща.*
— *Звонила теща Иванова.*

Первое высказывание будет мотивированным в ситуации, когда отношение ТЕЩА между референтом существительного и говорящим является наиболее близким — ни одно лицо в данной ситуации не имеет более близкого отношения. Напротив, было бы коммуникативно необоснованным, если бы муж обратился с такой репликой к своей жене — в этом случае следовало бы учесть другую иерархию релевантности:

- R_{МАТЬ} (лицо, слушающий) > R_{ТЕЩА} (лицо, говорящий).

Второе высказывание учитывает другой фон социальных отношений: здесь предполагается, что наиболее близким является отношение ТЕЩА между референтом существительного и адресатом сообщения. Наконец, в третьем высказывании говорящий отдает себе отчет в том, что никто из участников речевой ситуации не входит в близкое отношение с референтом существительного, поэтому в качестве одного из агентов отношения ТЕЩА выбирается «третье» лицо (*Иванов*).

Принцип ближайшего отношения объясняет также процесс речевой компрессии в высказываниях с релятивными существительными: в ситуации, когда отсутствует указание на агента релятивной функции, обычно этот статус приписывается говорящему (реже слушающему), на что указывают следующие примеры:

- (6) А: — *Что произошло?*
 Б: — *Звонил директор.*

Хотя в высказывании прямо не указывается, чей директор звонил, мы склонны интерпретировать ответную реплику довольно однозначно: ‘Звонил мой директор’. Это — своего рода речевая номинация по умолчанию, у которой есть и вторая сторона, связанная с явлением импликации: если говорящий, характеризуя лицо, не ссылается на его отношение к самому себе, это значит, что между данным лицом и говорящим нет близкого отношения. Например, из высказывания

- (7) *Сосед Кости — очень симпатичный человек.*

следует, что у говорящего нет прямых контактов с соседом Кости. Таким образом с помощью средств речевой номинации выражается отношение чуждости, как, например, в предложении из прозы Антона Чехова:

- (8) *Отец и его жена не пускают меня сюда.*

Из формы номинации *его жена* вытекает, что имеется в виду лицо, которое не является матерью говорящего — иначе конструкция была бы построена иначе:

- (9) *Отец и мать не пускают меня сюда.*

О принципе эмпатии писал С. Куно (1987), который ввел это понятие в теорию функционального синтаксиса. Куно рассматривает эмпатию прежде всего с точки зрения организации предложения, однако существуют также ее аспекты, связанные с речевой номинацией. Одним из характерных явлений этого типа является номинация с точки зрения ребенка в речи взрослого. Когда один из родителей обращается к ребенку с репликой:

- (10) *Поедем к бабушке,*

принцип ближайшего отношения нарушается: говорящий отдает предпочтение отношению БАБУШКА между референтом существительного и адресатом, хотя отношение МАТЬ — между референтом существительного и говорящим, было бы более релевантным. Объясняется это особой установкой говорящего — «сочувствием» к адресату.

Номинация этого типа реализуется не только на фоне отношений взрослого к ребенку или старшего родственника к младшему (в европейских культурах), но и вообще — при вежливом обращении к собеседнику, как мы это

наблюдаем в *Преступлении и наказании* Федора Достоевского (речь идет об употреблении существительного *матушка*):

- (11) — *А к вам матушка приехала?* — *осведомился для чего-то Порфирий Петрович.*
— *Да.* — *Когда же это-с?* — *Вчера вечером.*

В речевой коммуникации реализуется также принцип дифференциации, который состоит в выделении лица из числа участников ситуации. Говорящему важно сообщить о таких характеристиках лица, которые были бы достаточны для его надежной идентификации. Такую идентифицирующую и одновременно диакритическую функцию выполняют многие обращения. Ср. реплику из рассказа Владимира Короленко *Мороз*:

- (12) *Погоди, барин, так нельзя. Одежда у тебя не по этому ветру. На вот, я привез тебе. Одевайся.*

Существительное *барин* в форме обращения выполняет, скорее, различительную и дескриптивную функцию: в речевой ситуации принимают участие два человека, один из которых является старостой в деревне (управителем), а другой — начальником разведочной приисковой партии, т.е. «господином». Данная форма обращения, таким образом, служит манифестации социальной структуры, представляет статусные роли коммуникативных партнеров (обращение *барин* было бы неуместно в ситуации с участием партнеров с одинаковым социальным статусом, независимо от характера статуса, например, в ситуации, когда один «господин» обращается к другому). Особенно заметна диакритическая функция номинативных средств языка в обращениях, содержащих негативную оценку адресата:

- (13) — *Скотина!*
— *Мерзавец!*
— *Глупец!*
— *Иуда!*

В этом случае предполагается фоновая информация о речевом субъекте, который считает себя лишенным негативных свойств, приписываемых другому лицу (здесь как бы реализуется древняя поговорка: *Не бросайся камнями, если живешь в стеклянном доме*). Это явление наблюдается также в других синтаксических условиях, вне апеллятивных конструкций, когда из формы номинации следует, что говорящий уверен в невозможности применения к самому себе (а иногда — и к другим лицам) употребляемых в речи характеристик:

- (14) *Я не поздоровался с этим подлецом, которого не видел много лет.* (Ф. Искандер).
(15) *Я не заложила тебя, как сказал этот вор и бандит, твой приятель.* (Э. Лимонов).

Принцип дифференциации необязательно реализуется в высказываниях с аксиологической семантикой. Квалификация лица косвенно отражается

также на характеристике говорящего или других участников коммуникативного акта, которые исключаются из круга объектов, обладающих заключенными в ней признаками. Так, в предложении

(16) *На пороге стоял солдат с бумагой в руках.* (Ю. Домбровский)

с одной стороны, референт существительного *солдат* представляется с учетом его объективных свойств (человек на пороге, например, был одет в военный мундир), но, с другой стороны, говорящий учитывает и факт, что ни он сам, ни другие лица, чью точку зрения он выражает, не относятся к классу солдат — иначе был бы выбран другой способ номинации. Подобным же образом реализуется диакритическая функция номинации в повести Венедикта Ерофеева *Москва — Петушки*. С одной стороны, с точки зрения говорящего — отношения между описываемым лицом и участниками коммуникативной ситуации являются основанием для выбора оптимальной формы номинации лица, с другой стороны, с точки зрения слушающего — форма номинации позволяет судить о структуре коммуникативной ситуации. Рассмотрим один из примеров:

(17) *В эту минуту кто-то подошел к нам сзади и сказал:*

— *Я тоже хочу с вами выпить.*

Все разом на него взглядели. То был черноусый, в жакетке и в коричневом берете. (В. Ерофеев)

Данная лицу характеристика (*черноусый, в жакетке* и т.д.) не оставляет сомнений относительно того, что это был единственный в данной ситуации черноусый человек, единственный, кто был одет в жакетку, и единственный, у кого на голове был коричневый берет.

Заключение

В данной статье рассмотрены теоретические предпосылки научного исследования социально-культурных аспектов языка, речи и речевой деятельности в разных лингвистических дисциплинах — таких, как функциональная семантика, генеративная семантика, критическая лингвистика, психолингвистика третьего поколения и др. В качестве параметров семантической системы языка, которые отражают воздействие социальных факторов, были упомянуты внутренняя форма, вторичная номинация (в частности, метафора), коннотация (ассоциация, лексический фон) и структура семантических полей. Были описаны три принципа речевой номинации, основанные на учете фона социальных отношений с участием говорящего или других участников коммуникативной ситуации: принцип ближайшего отношения, принцип эмпатии и принцип контраста. Из проведенных наблюдений следует общий вывод о своего рода амбивалентности процессов речевой номинации: говорящий, с одной стороны, учитывает функциональные, физические, генетиче-

ские и др. свойства описываемого объекта концептуализации (и номинации), с другой стороны — обращает внимание на социально-культурный контекст номинации, место денотата знака в социальной структуре — с учетом собственной позиции. Этот процесс чем-то напоминает ситуацию из стихотворения Беллы Ахмадулиной *Мне дан июнь холодный и пространный...*:

(18) *На любованье маленьким оттенком
уходит час. Светло, но не рассвет.
Сверяю свет и слово — так аптекарь
то на весы глядит, то на рецепт.*

Литература

- АРХИПОВ И.К., 2011, *О «переносе информации» в прямом и метонимическом смысле*, „Prze-gląd Wschodnioeuropejski”, II.
- БЕЛЬЧИКОВ Ю.А., 1988, *О культурном коннотативном компоненте лексики*, [в:] *Язык: система и функционирование. Сборник научных трудов*, ред. Б.А. Серебрянников, Москва.
- БЛАГОВА Г.Ф., 1999, *Время и пространство: народные способы выражения в турецких языках*, „Rocznik Slawistyczny”, т. 52, cz. 2.
- ВЕРЕЩАГИН Е.М., КОСТОМАРОВ В.Г., 1980, *Лингвострановедческая теория слова*, Москва.
- МОКИЕНКО В.М., 2007, *Языковая картина мира в зеркале фразеологии*, [в:] *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*, red. W. Chlebda, Opole.
- ПЛОТНИКОВ Б.А., 1989, *О форме и содержании в языке*, Минск.
- СУПРУН А.Е., 1993, *О прагматической парадигме русского личного имени собственного*, „Russistik = Rusistika. Die wissenschaftliche Zeitschrift für aktuelle Fragen des Russischunterrichts”, 2.
- ТЕР-МИНАСОВА С.Г., 2008, *Война и мир языков и культур*, Москва.
- ЧУДИНОВ А.П., 2007, *Политическая лингвистика*, Москва.
- BELIČOVÁ H., 1984, *Ke vstahu tzv. povrchových a hloubkových větných významů*, „Československá rusistika”, roč. 29, vol. 4.
- KIKLEWICZ A., 2004, *Podstawy składni funkcjonalnej*, Olsztyn.
- KIKLEWICZ A., 2011, *Semantyka bez pragmatyki*, [w:] *Język poza granicami języka 2, Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo*, t. 1. *Aspekty lingwistyczno-semiotyczne*, red. A. Kiklewicz, Olsztyn.
- KIKLEWICZ A., 2012, *Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności*, Warszawa.
- KUNO S., 1987, *Functional syntax. Anaphora, discourse and empathy*, Chicago-London.

Lexical nomination and social structure

Summary

The author presents an overview of some linguistic trends and disciplines which in the 20th century contributed to the systematic study of the effects of social, cultural and communication environment on language system and linguistic activity. The author pays particular attention to the con-

tribution of Russian scientists, such as V.N. Voloshinov, A.F. Losev, V.A. Zvegincev and others. The four parameters of the semantic system of language are examined, which show the influence of pragmatic factors on the formation and functioning of the meaning of language units: the internal form of words, connotation, secondary nomination (metaphor, metonymy), the structure of semantic fields. In addition, the author demonstrates three principles of the nomination in the language behavior: the principle of the nearest relations, the principle of empathy and the principle of differentiation.